

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн

**Рецензия на роман
А. Ремизова «Часы»**

«Public Domain»

1908

Куприн А. И.

Рецензия на роман А. Ремизова «Часы» / А. И. Куприн — «Public Domain», 1908

«Из всех представителей крайнего импрессионизма в современной русской литературе Ремизов, пожалуй, самый крайний. Он не представляет себе явлений действительной жизни иначе как сквозь какое-то зловещее, уродливое, фантастическое и таинственное стекло. В нем есть что-то неуловимо общее с Федором Сологубом, но в Сологубе чувствуется, среди его чертовщины, недотыкомок и всякого колдовства, холодный расчет вместе с умной и насмешливой улыбкой человека, очень много знающего и ни во что не верующего...»

© Куприн А. И., 1908

© Public Domain, 1908

Александр Иванович Куприн

Рецензия на роман А. Ремизова «Часы»

Из всех представителей крайнего импрессионизма в современной русской литературе Ремизов, пожалуй, самый крайний. Он не представляет себе явлений действительной жизни иначе как сквозь какое-то злое, уродливое, фантастическое и таинственное стекло. В нем есть что-то неуловимо общее с Федором Сологубом, но в Сологубе чувствуется, среди его чертовщины, недотыкомов и всякого колдовства, холодный расчет вместе с умной и насмешливой улыбкой человека, очень много знающего и ни во что не верующего. Ремизов же искренен до наивности, он ворожит, нашептывает, приговаривает и лепечет странные пугающие слова с полной несокрушимой верой. Сологуб пишет свои причудливые произведения по строгому определенному плану, которого искусно держится; Ремизов заранее намечает только пять-шесть действующих персонажей, а они уже сами делают и говорят все, что им заблагорассудится, и автор лишь время от времени вплетает в их сумбурную, бредовую жизнь свои заклинания и молитвы. Сологуб пишет понятно, но ему не веришь, – Ремизов отрывист, повторяется, выражается путано и загадочно, эпизоды у него неправдоподобны, но он владеет тайной странного очарования, возбуждающего в читателе ужас, брезгливость, тоску и те кошмарные грезы, которые владели нами в детстве, во время лихорадок. Умный Сологуб только притворяется старым, серым, пыльным, хитрым домовым, лукаво выглядывающим из-за печной заслонки, Ремизов – настоящий, подлинный колдун.

Содержание «Часов» так же невозможно передать, как и содержание другого большого романа того же автора – «Пруд». Часовой мастер Сергей Андреевич уехал из города, спасаясь от долгов, а его семья: больной старик отец, жена Христина Федоровна с ребенком, брат его Костя и две сестры, Рая и Катя, остаются в часовом магазине. Чувствуется надвигающаяся горе, обеднение, развал. Часовой магазин собираются описать за долги, а потом и описывают. Вот и все содержание романа в шести частях, если не считать внезапной и неудачной любви Христины к какому-то Нелидову. Но эта любовь только мелькает в романе. Измученной женщине, сломленной неудачами и тяжелой семейной обстановкой, хочется ласки, внимания, заботы. А он уезжает, даже не простившись. Вот и все.

Но посмотрите, какими кривыми, уродливыми и в то же время сильными штрихами рисует Ремизов своих странных героев. Вот, например, Костя, ежедневно заводящий городские часы, горбатый, кривоногий подросток-эпилептик, одержимый чем-то вроде нечистой силы:

«Лежал Костя на спине, страшный в лунном круге, водяной какой-то, вместе и каменный, дрыгал по-лягушечьи ногами. Снился Косте сон, будто он вырвал себе все зубы, и оказалось, что не зубы носил он во рту, а коробочку из-под спичек да костяную прелую ручку от зубной щетки, и ноги у него будто не ноги, а окурки».

Или еще:

«Шел Костя, спотыкался, вертел пальцем кружок перед носом. Довольно уж лынды лындать, он будет днем бить до кровавой пены, а ночью, собрав лягушиной икры, пойдет на промысел: малых детей загрызгать... Малых топить в тепленькой водице, а то холодно...»

– Старый пошел – не дошел, малый пошел – не нашел, черт вам рад, – ухмыльнулся Костя, заложив руки в карманы, и, вообразив себя лягушечьей лапкой, двинул плечем фонарь.

Фонарь покачнулся и на мостовую – трах! Только стекла зазвенели.

Побежал Костя. Бежал, как конь. Он – конь серый в яблоках, седло серебряное, уздечка позолоченная. Он помчится в собор, скупит все свечи, сядет на престол, умоется холодной росой, прочитает все книги и загорится семипудовой свечой перед Вербницей, перед Громницей, перед Лидочкой: пояс шелковый, шапка бобровая, шуба атласная, а нос как на картине. Он больше не Костя Клочков, а учитель и сыщик Куринас, первый и последний. И бьет он копытом землю, вороногий конь, несет в песке яйца гусиные да утиные.

– А куда-так-так! Не было в нас так! – кричит Костя во все горло и, рассыпав откуда-то взявшиеся золотые орешки все, как один, останавливается у галантерейного магазина.

Что-то, чиркнув будто спичкой и ярко блеснув зеленым огоньком, с болью завертелось в мозгу.

– Эх вы, куры рябые, конопляные! – рванул Костя дверь галантерейного магазина, распахнув свою шубу из макового листа, взарился на Лидочку.

Лидочка, насмерть перепуганная, вытаращила глазенки и, не пискнув, присела от страха.

А он, кусая губу, дрожал весь и, приблизившись к прилавку, занес было ногу, намереваясь перемахнуть, но раздумал. Изогнулся весь, нащупал присевшую Лидочку, вытянул ее, и, притянув к себе, впился губами, и целовал в губы и щеки, целовал взасос, присвистывая, причмокивая, приговаривая, и вдруг, широко разинув рот, закусил ее сахарно-выточенный носик...

Ахнула Лидочка, закатила глазки и обмерла.

Обмерла и без памяти, как труп, не противилась уж этим страшным объятьям».

Или в другом месте:

«А в чулане меж дверей, забившись в чулан, сидит на поганом ведре, раздетый, в длинных черных чулках, Костя, не Костя Клочков, а Костя Саваоф, не Костя Клочков, а ворона, и сидит, несет яйца гусиные да утиные, считает тараканьи шкурки, чтобы никому уж вперед не считать, ковыряет свой кривой изуродованный нос, ковыряет с жаром, с удовольствием».

А вот как рисует Ремизов старика:

«Сидел старик, не двигался.

И уж казалось ему, в голове у него завелись тараканы, и была голова полна тараканьих яиц, так что перло. Он чувствовал, из глаз уже высовываются тараканьи усы, чувствовал запах тараканьих яиц и не двигался.

Был он похож на то страшное, – оно стережет всякое живое, оно стоит под деревьями, и, подслушав счастливое слово, вычеркивает кровь, и открывает чуть видную шелку для глубокой беды».

Не дают покою Ремизову тараканы!

Так же тяжело и кошмарно описывает Ремизов нездоровые сладострастные сны девушки Раи, и ночные возвращения двух приказчиков из веселого дома «Новый свет», и их гнусные издевательства над мальчишкой при магазине, которого мастер заставляет то целовать себя в пятку, то пить из одной необходимой посуды. Только Христина Федоровна, с ее мятущейся душой и последней любовью, и умирающая девушка Катя являются двумя нежными, чистыми пятнами на мрачном и грязном фоне ремизовского романа.

Многое остается окончательно непонятным читателю – до такой степени индивидуальна манера письма Ремизова, но, может быть, он нарочно прибегает к ней, потому что не менее

темна и бессмысленна жизнь вызванных им привидений с искаженными лицами. И может быть, умышленно черпал автор свой лексикон в идиотизмах местной жизни, в которой, по его выражению, «звенела брань, сверлило в ушах, клевало в темя, пихало под живот». Диковинные слова: чучу, шкамарда, худорба, надолба, плешняк, ухаба, шулепа, гундырка – так и пестрят, так и скачут на каждой странице.

Но наряду с такой пряностью ругательных слов, Ремизову широко знаком и настоящий северный крепкий русский язык, и распоряжается им Ремизов, когда захочет, положительно блестяще, с большой оригинальностью, находчивостью и гибкостью. И природу он чувствует очень тонко в тех случаях, когда его не увлекает в пышное пустословие какая-то таинственная сила. Каким, например, своеобразным лиризмом дышит его зимняя ночь: «Ударял лютый мороз. Частые густые звезды рассыпались по небу – золото по царскому двору. Там, казалось, сидел царь с царицей. Считал царь свои богатства, пил из чаши, нанизывала царица звездный бисер».

Или в другом месте:

«Было светло и ясно от прыщущего зеленоватого цвета.
Богатым жемчугом рядились деревья.
Крепкие ветви скрипели под тяжестью белых драгоценностей.
Гнилое жильё, измученные черные окна, продымленные крыши
украшались серебром, будто в сказке...»

Конечно, учить Ремизова, как надо писать, нам не приходится. Но и в шарлатанстве его не решишься упрекнуть. Он весь в периоде исканий и, почему знать, может быть, идет своим сбивчивым, капризным, темным путем к какой-нибудь большой цели?